

"Держись, капитан!"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Лев Абрамович Кассиль

Держись, капитан!

В Москве, в Русаковской больнице, где находятся дети, изувеченные фашистами, лежит Гриша Филатов. Ему четырнадцать лет. Мать у него колхозница, отец на фронте.

Когда немцы ворвались в село Лутохино, ребята попрятались. Но вскоре хватились, что Гриши Филатова нигде нет.

Его нашли потом красноармейцы в чужой избе, недалеко от дома, где жил председатель сельсовета Суханов. Гриша был в беспомощности. Из глубокой раны на ноге хлестала кровь.

Никто не понимал, каким образом он попал к немцам.

Ведь сперва и он ушел со всеми в лесок за прудом. Что же заставило его вернуться?

Это так и осталось непонятным.

Как-то в воскресенье лутохинские ребята приехали в Москву, чтобы проведать Гришу.

Навестить своего капитана отправились четыре форварда из школьной команды «Восход», вместе с которыми еще этим летом Гриша составлял знаменитую пятерку нападения. Сам капитан играл в центре. Слева от него был юркий Коля Швырев, любивший в игре подолгу водить мяч своими цепкими ногами, за что его и звали Крючкотвором. По правую руку от капитана играл сутулый и вихлястый Еремка Пасекин, которого дразнили «Еремка-поземка, дуй низом по полю» за то, что он бегал, низко пригнувшись и волоча ноги. На левом краю действовал быстрый, точный, сообразительный Костя Вельский, снискавший прозвище

«Ястребок». На другом краю нападения мотался долговязый и дурашливый Савка Го-лопатов, по кличке «Балалайка». Он вечно попадал в положение офсайда – «вне игры», и команда по его милости получала от судьи штрафные удары.

Вместе с мальчиками увязалась и Варя Суханова, не в меру любопытная девчонка, таскавшаяся на все матчи и громче всех хлопавшая, когда выигрывал «Восход». Прошлой весной она своими руками вышила на голубой футболке капитана знак команды «Восход» – желтый полукруг над линией и растопыренные розовые лучи во все стороны.

Ребята заранее списались о главным врачом, заручились особым пропуском, и им разрешили навестить раненого капитана.

В больнице пахло, как пахнет во всех больницах, чем-то едким, тревожным, специально докторским. И сразу захотелось говорить шепотом... Чистота была такая, что ребята, теснясь, долго скребли подошвы о резиновый половичок и никак не могли решиться ступить с него на сверкающий линолеум коридора. Потом на них надели белые халаты с тесемками. Все сделались схожими между собой, и почему-то неловко было глядеть друг на друга. «Прямо не то пекари, не то аптекари», – не удержался, сострил Савка.

– Ну, и не бренчи тут зря, – строгим шепотом остановил его Костя Ястребок. – Нашел тоже место, Балалайка!...

Их ввели в светлую комнату. На окнах и тумбах стояли цветы. Но казалось, что и цветы пахнут аптекой. Ребята осторожно присели на скамьи, выкрашенные белой эмалевой краской.

Только один Коля остался читать наклеенные на стене «Правила для посетителей».

Скоро докторица, а может быть, сестра, тоже вся в белом, ввела Гришу. На капитане был длинный больничный халат. И, стуча костылями, Гриша еще неумело подскакивал на одной ноге, поджав, как показалось ребятам, другую под халат. Увидев друзей, он не улыбнулся, только покраснел и кивнул им как-то очень устало своей накоротко остриженной головой. Ребята поднялись и, заходя друг другу за спину, стучаясь плечами, стали протягивать ему руки.

– Здравствуй, Гриша, – проговорил Костя, – это мы к тебе приехали.

Капитан подавил вздох и откашлялся, глядя в пол. Никогда так не здоровались с ним прежде. Бывало: «Здорово, Гришка!» А теперь очень уж вежливы стали, как чужие. И тихие какие-то больно, надели халаты... посетители...

Докторица попросила не утомлять Гришу, не шуметь особенно и сама ушла. Ребята проводили ее беспомощными взглядами, потом расселись. Никто не знал, что надо сперва сказать.

– Ну как? – спросил Костя.

– Да ничего, – ответил капитан.

– Вот приехали к тебе...

– Хорошо.

– И я с ними, – виновато проговорила Варя.

- Прицепилась, как колючка, ну и никак не отстаёт,- пояснил Еремка.
- Как? Болит? - кивнув на халат Гриши, спросил строго Коля Крючковтор.
- Нечему уж болеть, - хмуро ответил капитан и откинул полу халата.

Варя тихонько ахнула.

- Эх ты, совсем напрочь!... - не выдержал Еремка.
- Что ж ты думал, обратно пришьют? - сказал капитан, запахивая халат. - Заражение вышло. Пришлось хирургически.
- Это как же они тебя так? - осторожно спросил Костя.
- Как... Очень просто. Поймали. Велели говорить, кто в партизаны пошел. А я говорю: «Не знаю». Ну, они тогда завели меня в избу, где прежде Чуваловы жили... И шпагатом к столу прикрутили. А потом один взял ножовку да как начал ногу мне... После я уже не в состоянии стал...
- Даже выше коленки, - сокрушенно проговорил Костя.
- А не все равно - выше, ниже... Одно уж...
- Ну, все-таки...
- А когда резали, слышал? - спросил любопытный Коля.
- Это на операции-то? Нет. Прочухался, слышу, только чешется. Я туда рукой цоп, а там уж нет ничего.
- Эх, заразы! - сказал, яростно ударив себя кулаком по колену, Савка. - Знаешь, Гришка, как ты тогда без полной памяти был, чего они у нас понаделали!...

Костя Ястребок незаметно ткнул кулаком в спину Савки:

- Савка... забыл, что тебе говорили? Вот на самом деле Балалайка!
- А я ничего такого не говорю.
- Ну и молчи.
- А энта, другая, ходит? - деловито осведомился Коля, указав на здоровую ногу капитана.
- Ходит.

Все помолчали. На улице выглянуло солнце, неуверенно зашло за облако, опять показалось словно уж более окрепшим, и Варя почувствовала на щеке его нежное весеннее тепло. Закричали вороны в больничном парке, сорвавшись с голых веток. И в комнате так посветлело, будто все тени смахнуло крылами унесшейся за окном стаи.

- Красиво у тебя тут, - промолвил Еремка, оглядывая комнату. - Обстановка.

Снова немного помолчали. Слышно было, как долбят за стеклом железный подоконник редкие

мартовские капли.

- А занятия опять уже идут? – спросил капитан.
- У нас уже все идет нормально. – По алгебре до чего уж дошли?
- Примеры решаем на уравнение с двумя неизвестными.
- Эх, – вздохнул капитан, – нагонять-то мне сколько...
- Ты только от нас не отставай на второй год, – сказал Ястребок.
- Мы тебе, знаешь, все объясним, – подхватила Варя, – это нетрудно, правда, истинный кувшинчик! Только сперва кажется. Там только значения подставлять надо под понятия, и все.
- А мы теперь, как немцы школу подожгли, в бане занимаемся, – рассказал Еремка. – Савка недавно у нас на переменке как брякнет в кадку с водой! А его как раз к доске вызвали. Такого ему жару математик задал, что он даже обсох сразу!

Все засмеялись. Капитан тоже улыбнулся. И стало легче. Но на этот раз все дело испортил Еремка.

- А у нас, – сказал он, – на пустыре, где косогор, тоже сухо почти. Снег сошел. Мы уже тренироваться начали.

Капитан болезненно нахмурился. Костя ущипнул Еремку за локоть. Все сердито смотрели на проговорившегося.

- Кого же теперь на центре поставите? – спросил капитан.
- Да, верно, Петьку Журавлева.
- Конечно, того уж удара у него сроду не будет, как твой, – поспешил добавить Еремка.
- Нет, ничего. Он может. Вы только за ним глядите, чтоб не заводился... А чего же он сам не приехал?
- Да он занятый сегодня, – быстро ответил Костя и соврал: просто ребята не взяли с собой Петьку Журавлева, чтоб капитан не расстраивался, видя, что его уже заменили.
- А я тебе чего привез! – вдруг вспомнил Коля, хитро посмотрел на всех и вытащил из кармана что-то на красной ленточке. – На. Дарю тебе навовсе. Это железный крест, настоящий, немецкий.
- И я такой же тебе привез, – сказал Еремка.
- Эх, ты! А я думал, у меня одного, – сокрушенно проговорил Костя, тоже вынимая из кармана немецкий орден.

Савка тоже полез было в карман, но подумал, вытащил из кармана пустую руку и отмахнулся: «У нас их столько немцы покидали! Как им двинули наши, так они побросали все».

- А я тебе книжку! – И Варя застенчиво протянула капитану свой подарок. – «Из жизни замечательных людей». Интересная, не оторвешься, истинный кувшинчик!

- Ух, чуть не забыл! - воскликнул Савка. - Тебе Васька-хромой кланялся.

- Са-а-ввка!... - только и мог простонать Костя.

- Ну, и ты Ваське кланяйся, - угрюмо отозвался капитан. - Скажи: Гришка-хромой обратно поклон шлет, понял?

- Ну, нам время идти, - заторопился Костя, - а то на поезд не успеем. Народу много.

Толпясь вокруг капитана, молча совали ему руки. И каждому казалось, что самого главного, ради чего и приехали, так и не сказали. Коля Крючоктвор вдруг спросил:

- А как же ты тогда на улице оказался? Ты ведь вперед с нами в лесу сидел. Куда же ты пошел?

- Значит, надо было, - отрывисто ответил капитан.

- Ну, счастливо тебе!... Скорей управляйся тут да приезжай.

- Ладно.

И они ушли, неловко потолкавшись в дверях и оглядываясь на Гришу. Столько собирались к капитану, так и не поговорили... Ушли.

Он остался один.

Тихо и пусто стало вокруг. Большая сосулька ударилась о подоконник снаружи и, разбившись, загремела вниз, оставив влажный след на железе. Прошла минута, другая. Неожиданно вернулась Варя.

- Здравствуй еще раз. Я тут платок свой не позабыла?

Капитан стоял, отвернувшись к стене. Худые плечи его, подпертые костылями, вздрагивали.

- Гриня, ты что?... Болит у тебя, да?

Он замотал головой, не оборачиваясь. Она подошла к нему:

- Гриня, думаешь, я не знаю, зачем ты тогда обратно из лесу пошел?

- Ну и ладно, знай себе на здоровье! Чего ты знаешь?

- Знаю, все знаю, Гринька. Ты тогда думал, что мы с мамой в сельсовете остались, не успели... Это ты из-за меня, Гринька.

У него запылали уши.

- Еще что скажешь?

- И скажу!...

- Знаешь, так помалкивай себе в платочек, - буркнул он в стенку.

- А я вот не буду помалкивать! Думаешь, мне самое важное, сколько у тебя ног? У телки у нашей вон их целых четыре, а что за радость! И не спорь лучше. Я тебя, Гриня, все равно сроду одного не кину на свете. И занятия нагоним, только приезжай скорей, поправляйся. И на пруд

пойдем, где музыка.

- С хромым-то ходить не больно интересная картина...

- Дурной ты... А мы с тобой на лодке поедem, в лодке и незаметно будет. Я веток наломаю, кругом тебя украшу, и поедem мы по-над самым берегом, мимо всего народа, я грести стану...

- Это почему же обязательно ты? - Он даже повернулся к ней разом.

- Ты же раненый.

- Кажется, грести-то я пошибче тебя могу.

И они долго спорили, кто умеет лучше грести, кому сидеть на руле и как вернее править - кормовиком или веслами. Наконец Варя вспомнила, что ее ждут. Она встала, выпрямилась и вдруг схватила обеими руками руку капитана и, плотно зажмурившись, сжала ее изо всех сил в своих ладонях.

- Прощай, Гриня!... Приезжай скорее... - прошептала она, не открывая глаз, и сама оттолкнула его руку.

На улице ее ждали четверо.

Ну как, отыскала платочек?... - начал было насмешливо Савка, но Костя Ястребок грозно шагнул к нему: «Только брякни что-нибудь...»

А капитан вернулся в свою палату, поставил у койки костыли, лег и раскрыл книжку, которую подарила ему Варя.

Бросилось в глаза место, обведенное синим карандашом.

«Лорд Байрон, - читал капитан, - оставшийся с детства на всю жизнь хромым, тем не менее пользовался в обществе огромным успехом и славой. Он был неутомимым путешественником, бесстрашным наездником, искусным боксером и выдающимся пловцом...»

Капитан перечитал это место три раза подряд, потом положил книгу на тумбочку, повернулся лицом к стене и принялся мечтать.

